Про Матвея, про Луку, сыновей Петровичей

«А Лука-де, Матвей, дети е Петровичи,
А не ездите, робята, да в русьскую сторону,
Ко Митрею не ходите по ронну́ сестру́!
А Митрий Обраньский он хитёр-мудёр:
По поднебесью летат да ясным со́колом,
По синю́ по морю́ ходит рыбой щу́кою,
А по чисты́м-де полям и бегат да серы́м волко́м,
А черны́мы грезя́ми — чёрным да медведём,
Он густыма поволоками — горностальциком!»
А на то ле Лука, Матвей не сдаваютцэ —
Идти они, ехать да там сбираютцэ.
Говорил им тут ле дедюшка во второ́й нако́н:
«Вы Лука ле, Матвей, дети Петровичи!
А не ездите, робята, да в русьску сторону,
Вы ко Митрию не ездите по ронну сестру́!
Кабы с Митрием мы на за́ставы
А стояли с Обраньским ровно триццеть лет.
По окончению того году триццатого
Кабы клали с им заповеди великия,
Не ё ста рублей клали ле, ё тысечи —
Ё своих клали да о бу́йных го́ловах:
А которой на которого мы наступим же,
У инного по коле́н ноги выломать,
У другого изо лбу дак оци выкопать!»
А на то бы Лука, Матвей не сдаваютце —
А итти-ехать да всё срежаютцэ.
А отправились робята да в русьску сто́рону,
А ко Митрию отправились по ронну сестру́.
Кабы ехали они с утра день до ве́цера,
Насквозю́-де ночь цельну до бела́ свету.
Приеждяют робята во Обраньской горо́д —
Кабы Митрия дома не случилосе,
А Обраньского ле дома не погодилосе:
А уехал во чисто́ полё за охотою,
Как стрелеть бы гусей да бе́лых ле́бедей,

Кабы ле маленьких да ён утёнышков.
А бы начали робята да розоре́ть горо́д:
А моло́дых-то моло́душек всех лети́цеми,
Кабы да красныех-то девушек всех толпи́цеми,
Кабы старых-то старух гнули коробицеми,
Кабы ста́рых старико́в на ко́лья вешали,
Кабы светые церькви соборны держ’ли конюшенки,
Кабы пресвету ту матерь Богородицю
А спускале они ей на коне́ц воды,
У Светителя Миколы да всё Можайськёго
Пелено́й-ту пеленали да ко́ней добры́их —
Добирались бы до Митрия ронно́й сестры́:
А сидела за трема дверьми́ за железныма,
За трема бы замками за немецкима.
Отрывали бы замки немецькие,
Отпирали они двери все железныя —
А сиди́т тут да Митриева ронна́ сестра,
А сидит ёна слезно́ уплакалась.
(*Город ронно́й розорили, как не уплакаться*!)
Брали они ей за белы́ руки,
Повели бы её да вон на улицу.
А садились робята на добры́х коне́й —
Тут отправились робята да назад домой.
Кабы ехали с утра ёни день до вецера,
Насквозю но́чь тёмну до бела́ света́.
А с того с устатку со великого
Приду́мылось молоццам-де опочинитьцэ.
Розвернули они да свой черно́й шатёр,
Заходили робята да во черно́й шатёр.
А бы были у Митрия три ле во́рона,
Три ле во́рона да как кормлёные.
Полетели искать они ласкова хозяина,
А нашли бы во чисте́м поле бело́й шатёр.
А э перьвой-от ворон сел на сы́рой дуб,
А друго́й-от ворон сел на матушку,
А на матушку ле сел на сыру́ землю́,
А трете́й ворон да сел на бел шатёр.
На дубу́-ту ле во́рон да стал спрогра́ивать,
Кабы сыро́й-ёт дуб стал пошатывать,

Ветлинка с ветлинкою сплеталися
И к зе́мле приклонялися —
Кабы спит тут ле Митрий, не пробужаетця,
С богатырским сном не розлучаетца.
На земли тут во́рон стал спрогра́ивать,
Мать сыра земля стала придра́гивать —
Кабы спит тут ле Митрий, да не пробудитця,
Со великием сном спит не розлучитца.
На шатру-то ле ворон да стал спрогра́ивать,
Бел шатер-от стал да заполаскивать —
Пробужаетцэ тут Митрий нань Обраньский.
А выходит ле Митрий да вон на улицю,
Он увидел тут во́ронов кормлёныих:
«Ви́нно, есь у мня над го́родом невзгодушка,
Винно, есь у мня над Обраньским великая!»
Ёбернулса Митрий тут ясным со́колом,
Уж поднялса он да по подне́бесью,
А налетел бы на свой дак на Обраньский горо́д —
А стоит ле нонь город разорённый весь,
А бы Митрия сестра́ — увезёная.
Полетел бы тут Митрий во чисто́ полё,
Он нашел бы — стоит там черно́й шатёр.
Ёпускалса ле Митрий ко черну́ шатру́,
Ёбернулса да горностальциком.
Как заскакивал он дак на черно́й шатёр,
А гледел бы он тут...
А сидит бы ронна́ сестра́ уплакалась,
А лежат бы да на коле́нях да два татарина.
Кабы начал он тут поскакивать,
А приправу как ихну стал присматривать —
А шелко́вы-те ерка́ны все на клуб смотал,
А сабе́льки востры все повы́щербал,
Как туги́х-то луков стру́ны повыел все,
Э калёных у стрел у́ши сколу́пывал,
А копеица бурзомечеськи все повы́вихал.
А выходит бы Митриева ронна́ сестра́,
Увидала следки да горностальёвы,
А идёт бы в шатёр дак усмехаитцэ.
Говорят бы ле тут два татарина:

«Кабы что же ты, красавиця, усмехаишьсе?» —
«Ронной брателко у меня тут поскакиват».
Вылетали татары вон на улицу,
А хватались за ерка́ны шелко́выи —
А шелковы же ерканы на клуб все смотаны.
А хватались за сабли вострыи —
А сабе́льки-те и повыщербаны.
А хватались бы за туги луки скорешенько —
А туги́их лу́ков струны все повыены.
А хватались за стрелки за калёныи —
А у стрелок уши́ все сколу́паны.
А хватались за копеица бурзомечеськи —
А копеиця-те с носадками вместях лежат.
Опустили молодцы руки белые,
А обёртывалса Митрий да добрым молодцом:
«Уж вы здравствуйте, да удалы добры молоццы!
Вам не сказывал ле разве ронный дедюшка —
А у нас клажены с им заповеди великия:
А которой на которого наступим же,
Э у инного по колен ноги выломать,
У другого изо лбу оци выкопать?»
Уж как он изо лбу оци выкопал,
У другого по колен ноги выломал,
Безногого посадил как на безглазого на́ плечи:
«Безглазой — неси, безногой — указывай,
Подьте к дедюшке со вы́слугой!»

(Зап. Астаховой А. М.: 19 июля 1929 г., д. Климовка Усть-Цилемского р-на — от Торопова Николая Самсоновича, 79 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.